

СОМЕРСЕТ МОЭМ

ПОКОРИТЕЛЬ
АФРИКИ

Сомерсет Моэм
Покоритель Африки

«Издательство АСТ»

1907

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Моэм С.

Покоритель Африки / С. Моэм — «Издательство АСТ», 1907

ISBN 978-5-271-38930-6

«Покоритель Африки» – роман, написанный Сомерсетом Моэмом в 1907 году и впервые публикуемый на русском языке, – является одним из ключевых произведений раннего творчества писателя. В нем впервые появляются мотивы, которые впоследствии станут отличительными для Моэма – экзотическое место действия, острый сюжет и глубокий психологизм. Печальная история Люси Аллертон, ее поклонника – путешественника, исследователя и настоящего джентльмена Алека Маккензи и ее нервного легкомысленного младшего брата Джорджа захватывает, удерживает в напряжении. Человеческая трагедия, угадываемая за перипетиями сюжета, завораживает своей подлинностью и неподдельностью.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-271-38930-6

© Моэм С., 1907
© Издательство АСТ, 1907

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	30
-----------------------------------	----

Сомерсет Моэм

Покоритель Африки

W. Somerset Maugham THE EXPLORER

© The Royal Literary Fund

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава I

На море стоял мертвый штиль. Ни единого корабля, лишь силуэты чаек замерли над монотонно-серой водой. Хотя небо заволокли грозовые тучи, ветра не было. Вдали виднелась чистая линия горизонта. Столь же пустынный галечный берег был густо усеян спутанными пучками водорослей, а бесчисленные раковины крошились под ногами. Волноломы, призванные остановить неутомимую стихию, сгнили и позеленели от морской тины. Унылая, безрадостная сцена – но было в ней какое-то спокойствие; а мертвая тишина и неброские тусклые краски могли бы принести мир израненной душе. Однако мук одинокой женщины на берегу им было не смягчить. Она не шевелилась, ее уверенный взгляд смотрел в никуда. Природа не знает ни любви, ни ненависти; она улыбается всякому, у кого на душе легко; несчастного же делает печальнее. Какая горькая насмешка: рассудительный Эпикур, полагавший, что боги, свободные от человеческих страстей, живут в своих небесных дворцах, не зная печали, надежды и отчаянья, вдали от бурлящей человеческой толпы, вошел в историю как приверженец необузданных удовольствий.

Впрочем, безмолвная гостья не нуждалась в утешении. Суровая гордость побуждала ее искать опоры лишь в самой себе, и даже когда невольная слеза тяжело скатывалась по щеке, она лишь нетерпеливо встряхивала головой. Глубоко вдохнув, женщина решительно приказала себе сменить тему размышлений.

Но нет, от ярких воспоминаний было не отвлечься. Разум ее, словно почтовый голубь, уносился на легких крыльях к иному берегу, а морская тишь напоминала совсем о другом море. Пролив Солент... Гладь залива вошла в ее жизнь с раннего детства, и вот теперь спокойные воды у самых ног неудержимо будили в памяти знакомые картины. Тихие волны омывали берега Гемпшира с очаровательной, нигде более не виданной настойчивостью, и пусть водному простору недоставало безграничного величия открытого моря, он был таким родным и привычным... К тому же пролив нес в себе частичку соленой свежести океана, и стоило окинуть его взглядом, дух сразу перехватывало от ощущения свободы. Иногда, сумеречными зимними вечерами Солент представлял в ее памяти столь же безжизненным, как раскинувшееся сейчас у ног Кентское море, однако воображение всегда наполняло его кораблями, спешащими то в родной порт, то в открытое море. Она любила их все до одного. Любила огромные пароходы, что пересекали океан с пассажирами и грузом, не боясь ни ветра, ни волн; ночами же, когда в темноте виднелась лишь длинная цепочка огней, ее завораживала мысль, что на борту тысяча человеческих душ, и они направляются в полную неизвестность. Любила пыхтящие паромчики, на которых окрестный люд отправлялся в Саутгемптон: кто за покупками, а кто с плодами фермерского труда на продажу; она дружила со всеми здоровяками-капитанами и обо-

жала их неизменно важный вид. Любила рыбацьи лодки, что выходили в море в любую погоду, и элегантные яхты, пронесившиеся по заливу с утонченной грацией. Любила тяжелые барки и бригантины, что скользили с торжественной легкостью под всеми парусами, ловя легчайшее дуновение бриза – они были как величавые птицы и неизменно наполняли ее душу радостью. Но больше всего она любила грузовые пароходы, которые с мрачным, негибким упорством ползли из порта в порт – большей частью угловатые и уродливые, потрепанные стихией, грязные или плохо покрашенные... И все же сердце ее принадлежало им, чья судьба казалась столь незавидной. Молодой капитан никогда не восхитился бы их элегантными обводами, и сердце его не забило бы от случайного взгляда на вдруг наполненный ветром парус; ни один пассажир не похвалил бы их за скорость и красоту. Эти честные торговцы, трудолюбивые и надежные, смело встречали бурю и каждый день смотрели в лицо опасности, не жалуясь на судьбу. Она безошибочно улавливала в их скромном повседневном труде – романтику, а в молчаливом труде – красоту, и часто, наблюдая за пароходами, она представляла себе диковинные товары в их трюмах и долгие экспедиции к чужим берегам. Они обладали особым неуловимым обаянием, поскольку путешествовали по южным морям, где белые города с кривыми улочками безмолвствуют под синим небом.

Так и не сумев избавиться от нахлынувшей острой тоски, одинокая женщина повернулась и зашагала по тропе через болота. На сердце было по-прежнему беспокойно: ей чудилось, будто она узнает эти места: домик береговой охраны, низины, неглубокие канавы, среди которых прошла вся ее жизнь. Тут и там щипали траву овцы, а пара пасущихся рядом лошадей окинула женщину безразличным взглядом. Вяло помахивала хвостом корова. Беспристрастному наблюдателю ровные и однообразные берега Кента показались бы попросту скучными, она же находила их прекрасными. Побережье напоминало родной дом, который ей уже не суждено увидеть.

Именно к дому то и дело устремлялись мысли женщины. Прежде, скользнув где-то по самому краю, ум ее неизменно обращался к другим предметам; теперь же она полностью предалась воспоминаниям.

Аллертоны владели Хамлинс-Перлью три сотни лет, и надгробие, изображающее основателя династии вместе с двумя его женами в платьях с плечеными воротниками и жесткими лифами, до сих пор красовалось у алтаря приходской церкви. Скульптура работы итальянца, которого вместе с другими мастерами заманили в Англию строить капеллу Генриха VII, отличалась особой утонченностью Ренессанса и замечательно смотрелась в скромной англиканской церкви. На протяжении трех сотен лет Аллертонов отличали рассудительность, храбрость и достоинство, так что за это время стены церкви покрылись многочисленными свидетельствами их доблестей и успехов. Они породнились с окрестными семействами, и по этим мраморным табличкам можно было составить полный список гемпширской знати. Маддены из Брайса, Флетчеры из Хортон-Парка, Донси из Мейден-Холла, Гарроды из Пенды – все они когда-то выдавали своих дочерей за Аллертонов из Хамлинс-Перлью; и Аллертоны из Хамлинс-Перлью точно так же выдавали девушек с богатым приданым за Гарродов из Пенды, Донси из Мейден-Холла, Флетчеров из Хортон-Парка и Мадденов из Брайса.

С каждым поколением Аллертоны становились все вышекомернее. Своеобразное географическое положение выделяло эту семью из всех соседей. Гарроды, Донси и Флетчеры могли пешком ходить друг к другу в гости, Мадден же из Брайса, самый родовитый и богатый, а потому – уважаемый джентльмен во всем графстве, жил милях в семи-восьми, тогда как поместье Хамлинс-Перлью лежало на берегу моря, отделенное от остальных лесами. Его хозяева жили обособленно и потому отличались характером от прочей знати. Они находили повод для гордости в обширности собственных владений. Пусть немалая их часть состояла из солончаковых болот, а еще большая из невозделанных пустошей, остальные были ничуть не хуже, чем у других землевладельцев Гемпшира, а общая площадь на бумаге смотрелась весьма внуши-

тельно. Однако главным поводом для самоуважения они считали уровень собственного развития. Ничто не питает гордость так сильно, как ум, и Аллертоны всегда почитали своих соседей невежами. То ли особое положение земли, где они родились и росли, выработало у них привычку к самонаблюдению, то ли что-то такое было у них в крови, но все Аллертоны интересовались умственными материями, которые никогда не беспокоили Флетчеров, Гарродов из Пенды, Донси, а также Мадденов из Брайса. Превосходные охотники, они скакали и стреляли наравне со всеми, но вдобавок читали книги и отличались остротой ума – сколь неожиданной, столь же и притягательной. Толстые окрестные сквайры считали Аллертонов светочами учености и за стаканом портвейна радовались, что среди них имеются люди, блестяще сочетающие благородное происхождение и мастерство наездника со здравым умом и энциклопедическими познаниями. Обстоятельства потворствовали тому, чтобы Аллертоны ценили себя чрезвычайно высоко.

Мало того что они поглядывали свысока на людей, с которыми сталкивались ежедневно – такое встречается часто, – но и сами эти люди с готовностью смотрели на них снизу вверх.

Аллертоны путешествовали по Европе с подобающим их положению шиком, а письма сыновей с описаниями Парижа, Вены, Дрездена, Мюнхена и Рима, а также важных особ, с которыми они водили компанию, бережно сохранялись в семейном архиве. Все они проявляли похвальный интерес к искусствам, и каждый непременно привозил с собой какие-нибудь прелестные вещицы, приобретенные за границей в соответствии с модой того времени. Красивую каменную усадьбу Хамлинс-Перлью украшали итальянские картины, французские шкафчики изысканной работы, всевозможные бронзовые изделия, гобелены и старинные восточные ковры. В садах, за которыми ухаживали с любовью, росли диковинные деревья и цветы, невиданные в других областях Англии. Каждый Аллертон с неумной гордостью заботился о семейных владениях и почитал за высшую честь сделать их еще прекраснее и передать своему наследнику в еще большем великолепии.

Наконец Хамлинс-Перлью перешло в руки Фреда Аллертона, и боги, столь долго допуславшие процветание этого дома, решили обрушить свой гнев на его обитателей. В характере Фреда Аллертона черты предков сложились каким-то особенным образом, приведшим к неожиданному краху. Аллертоны всегда отличались красотой, убедительностью в речах и удивительной широтой взглядов, и Фред был, пожалуй, самым симпатичным и уж точно самым очаровательным из всего рода. Однако свобода от предубеждений, позволявшая предкам обустраивать собственную гордость, выродилась у него в полнейшую беспринципность. Лишившись отца и матери в двадцать лет, он уже через год оказался хозяином обширных владений. Для всех, кто кормился с собственной земли, тогда наступили тяжелые времена, и Фред Аллертон оказался не столь богат, как его предшественники, однако с немалой расточительностью предавался удовольствиям. Единственный из всего семейства, он не жил в Хамлинс-Перлью постоянно, совершенно им не интересовался и лишь изредка приезжал поохотиться. Жил он большей частью в Париже, где в ранние годы Третьей республики еще сохранялись остатки имперского распутства, и быстро прославился мотовством и скандальными похождениями. Ему постоянно не везло, все предприятия оканчивались крахом, но он не терял всегдашней жизнерадостности. Фред хвалился, что проигрывал деньги во всех игорных притонах Европы до единого, и клялся, что сразу же бросил бы эти отвратительные скачки, если бы лошадь, на которую он поставил, выиграла хоть один забег. Его неотразимое очарование привлекало множество друзей, и он с безграничной щедростью одалживал деньги каждому встречному. Однако быть всеобщим любимчиком дороже, чем держать племенной завод, и вскоре Фреду Аллертону понадобились наличные. Не моргнув глазом он заложил свои земли и счастливо жил в роскоши, пока и эти деньги не подошли к концу.

В конце концов он вытянул из Хамлинс-Перлью все до последнего пенса и влез в долги, но все равно ездил на породистой лошади, жил на широкую ногу, одевался лучше всех в Лон-

доне и устраивал роскошные пиры. Вскоре он понял, что лишь удачная женитьба поможет ему поправить дела. Фред Аллертон был все еще весьма привлекателен и на собственном опыте знал, как легко говорить женщинам приятные вещи. В его голубых глазах горел особый огонек, убеждавший всякого в его добродушии. Нравом Фред обладал веселым и энергичным. Он остановил свой выбор на мисс Боулджер, одной из двух дочерей ливерпульского промышленника, и сумел в кратчайший срок уверить ее в собственной любви. Неизменная убедительность Аллертона побудила ее ответить взаимностью на его страсть. Очевидно, вторая сестра тоже была от него без ума, и в кругу близких друзей Фред с уморительной прямоотой жаловался на закон, который не позволяет жениться на обеих сестрах и заполучить сразу два состояния вместо одного. Он сочетался браком с младшей мисс Боулджер и из ее приданого заплатил по закладным на Хамлинс-Перлю, покрыл собственные долги и еще несколько лет жил припеваючи. Бедняжка в упор не замечала его недостатков и восхищалась мужем от всей души. Она полностью доверила ему управление своим состоянием и жалела лишь о том, что связанные с этим заботы постоянно держат его в столице. Женившись, Фред Аллертон ударился в коммерцию и решил, что у него есть деловая жилка, а потому с головой ушел во всевозможные финансовые махинации. Стоило одной аванюре закончиться крахом, он с энтузиазмом бросался в следующую, которая должна была его озолотить. Пятнадцать лет супружества миссис Аллертон прошли в буйном веселье, которого Хамлинс-Перлю дотоле не видел. Фред привозил с собой удивительных персонажей, и знаменитая столовая, в которой столетиями велись как ученые, так и легкомысленные дискуссии о достоинствах греческих и латинских авторов, о величии итальянских мастеров, теперь наполнилась странными разговорами о биржах и акциях, компаниях, синдикатах, опционах и холдингах. Скоропостижно скончавшаяся миссис Аллертон понятия не имела, что муж спустил отложенные для детей деньги до последнего пенни, повторно заложил обширные угодья предков и по уши влез в долги. Она отошла с его именем на устах, благословляя тот день, когда они впервые встретились. У них родились сын и дочь. Когда мать умерла, Люси было пятнадцать, а ее брату Джорджу – десять.

Теперь Люси было двадцать пять. Это она, обратившись спиной к Кентскому побережью, медленно брела через болото, и прошедшие десять лет в одно мгновение промелькнули перед ее глазами.

Поначалу отец казался чудеснейшим человеком, и она обожала его со свойственным ребенку пылом. Мать она любила чуть меньше, однако не делала между родителями различия, привязываясь то к одному, то к другому; отец же, с его неотразимым шармом и способностью к сопереживанию, совершенно покорила девочку. Люси обожала отца: с ним было так хорошо, так весело, что она ненавидела деловых партнеров, отнимавших у Фреда Аллертона много времени.

После смерти миссис Аллертон Джорджа отправили в школу, Люси же, под надзором гувернантки, жила в Хамлинс-Перлю со своими книгами, собаками и лошадьми. Понемногу она стала понимать, что отец, казавшийся ей воплощением рыцарского духа, на самом деле человек слабый, ненадежный и нечестный. Она гнала зловерные мысли прочь, сама обвиняла себя в бездушности, но череда мелких происшествий раскрыла ей глаза. С мучительным содроганием Люси поняла, что у них с отцом разные представления о правдивости. Он редко держал данное слово и был не особо порядочен в финансовых делах. Для нее же честность, правильность и точность во всех вопросах были чем-то самым собой разумеющимся; семейная гордость требовала вести дела в десять раз осторожнее, чем принято у обычных людей.

И вот из брошенных то тут, то там намеков и бессознательных подозрений у нее наконец сложилась истинная картина жизни отца. Люси выяснила, что все земли до последнего клочка уже заложены, на мебель оформлены купчие, картины распродаются и, самое главное, все деньги, что мать передала в управление отца для них с Джорджем, уже растрочены. Фред же Аллертон по-прежнему жил в неумеренной роскоши.

Все эти обстоятельства открывались постепенно. Люси не у кого было спросить совета, и пришлось определять линию поведения самостоятельно. Она почти ничего не знала наверняка – лишь предполагала, и потому решила больше ничего не узнавать. Выясняя обстоятельства постепенно, она сумела приспособить к ним свое поведение. Семейная гордость Аллертонов, которой необъяснимым образом был лишен Фред, нашла свое прибежище в Люси, и открывшиеся обстоятельства лишь усиливали ее. Люси с пылким безрассудством взращивала в себе эту гордость – единственную опору в минуту крушения идеалов. Она чтит предков, портреты которых смотрели со стен Хамлинс-Перлью. От них остались лишь лица и имена, но в воображении девушки предки представляли живыми людьми, способными хоть как-то противостоят отцовской слабости. Их честность, сила и добродетель должны были в конце концов пересилить необузданность одного-единственного человека. Еще она любила свой дом с его изысканной обстановкой, пышными садами и обширными, плодородными полями; сильнее же всего обожала дикие пустоши и прибрежные болота, обожала с особым, грустным и каким-то неистовым пылом – потому что рисковала их вовсе лишиться. Всю свою волю Люси обратила на то, чтобы сохранить дом для брата. Она мечтала зажечь его решимостью вырвать семейные уголья из рук чужаков, вернуть Хамлинс-Перлью исконную свободу.

Все надежды Люси связывала с Джорджем. Он мог вернуть в семью утраченное, ее же задача – подготовить его к решению этой благородной задачи. Брат рос, и она решила полностью оградить его от известий о пороках отца. Для Джорджа тот должен оставаться джентльменом.

Всю прежнюю дочернюю любовь Люси обратила на брата. Она с гордостью следила, как тот рос, интересовалась его делами, старалась заменить Джорджу умершую мать и недостойного отца. Ее стараниями Джордж по достижении нужного возраста был отправлен на учебу в Винчестер, Люси же интересовалась его успехами и пылко поддерживала во всех начинаниях.

Былая любовь к отцу уступила место жалостливой нежности, и она изо всех сил скрывала эту перемену. Когда он приезжал, притворяться было несложно – она так и не научилась противостоять его обаянию; а вот когда Фред был в отъезде и не мог все объяснить, девушку охватывали ужас и возмущение. Никто об этом не знал, она же твердо решила не только разобратся в хитросплетении тяжких обстоятельств, но и скрывать положение вещей от других.

Неисчерпаемые денежные запасы Фреда Аллертона подошли к концу, и Люси теперь приходилось тщательно экономить. Снижая расходы где только можно, девушка жила крайне бережливо. Она ненавидела просить деньги у отца, а поскольку тот регулярно забывал выплачивать полагающееся ей содержание, Люси приходилось во многом себе отказывать. Едва повзрослев, она взяла в свои руки все работы по дому и научилась так вести дела, что никто и не догадался бы, как тяжело ей сводить концы с концами. Чувствуя, что близятся тяжелые времена, она продала лошадей и отпустила большинство слуг. При мысли, что с Хамлинс-Перлью придется расстаться, Люси охватил ужас. Она готова была на любые жертвы – лишь бы сохранить родительский дом, даже если придется жить в полной бедности.

Становилось все тяжелее. Никто и представить не мог, на какие ухищрения шла Люси, чтобы удержаться на плаву, – она выносила все тяготы с неизменной веселостью. Никто из соседей, с которыми ее связывали узы родства и многолетняя дружба, даже не заподозрил, как ей страшно. Люси чувствовала, что им известно положение дел, однако держалась гордо и не давала повода для жалости. Отец все реже бывал дома и, казалось, избегал оставаться с дочерью наедине. Они никогда не обсуждали положение дел – с Люси он намеренно сбивался на всякие пустяки, лишь бы избежать серьезного разговора. В ее двадцать первый день рождения Фред шутливо упомянул о деньгах, которыми она теперь вправе распоряжаться, но сделал это в своей всегдашней несерьезной манере, и девушка не нашла в себе сил продолжить разговор. Впрочем, особого желания настаивать у нее и не было: ведь если он растратил деньги, то уже ничего не поделаешь, поэтому лучше и не знать наверняка. Несмотря на все завещания и про-

чие документы, она считала, что отец вправе распоряжаться этими деньгами, и решила избегать в поведении даже намека на упрек.

Наконец наступила развязка.

Однажды – ей вот-вот должно было исполниться двадцать три – Люси получила телеграмму от старого друга матери Ричарда Ломаса: тот сообщал, что приедет на ленч. Она пошла на станцию встречать гостя, к которому испытывала искреннюю приязнь во многом из-за того, с какой нежностью относилась к нему мать. Теперь Люси любила ее куда горячее, понимая, что немного пренебрегала матерью при жизни. Дик Ломас был барристером. После двух безуспешных попыток он наконец прошел на последних выборах в парламент и уже успел снискать репутацию остроумного оратора – слегка прямоватого, но рассудительного. Дик был лишен злобной серьезности и догматизма, свойственных его собратьям. Его здравый смысл не обращался в нудность, а остроумие – в нахальство. Он знал, когда следует промолчать, и если бы не чувство юмора, к наличию которого у политика в Англии относятся с подозрением, Дика ждало бы блестящее будущее. Он был жилистый, добродушный коротышка с острыми чертами лица и сверкающими глазами, не утративший жизнерадостности к тридцати семи годам.

Впрочем, в этот раз Дик был на удивление мрачен. Люси, удивленная внезапным визитом, прочла в его добрых серых глазах беспокойство и сразу поняла: что-то не так. Ее сердце забилось быстрее. Пожимая ей руку, Дик выдавил улыбку и заметил, что Люси прекрасно выглядит. Они медленно зашагали домой. Дик рассуждал о каких-то мелочах, а Люси растерянно перебирала в голове мысли: что же могло произойти? Дома их ждал ленч. Дик с энтузиазмом уселся за стол и нахваливал все, что ему подносили, однако почти не ел. Он словно хотел быстрее покончить с трапезой и в то же время не решался перейти к волновавшему его вопросу. Наконец они допили кофе.

– Прогуляемся в саду? – предложил Дик.

– Конечно.

После прошлого визита Дик прислал старинные солнечные часы, купленные в Вестминстере, и теперь Люси отвела его на место, для которого предназначалось это украшение. Они обсудили установку часов и молча зашагали бок о бок, не говоря ни слова. Дик нежно взял ее под руку, и Люси, не привыкшая к ласке, почувствовала комок в горле. Они вернулись в дом и теперь стояли в гостиной, по стенам которой были развешаны главные сокровища: портрет кисти Рейнольдса, еще один – Хоппнера, восхитительный пейзаж Гварди – Большой канал в Венеции – и еще один портрет Гойи, на котором был изображен генерал Аллертон, сражавшийся с Наполеоном в годы Испанской революции. Дик окинул картины восхищенным взглядом и облокотился на камин.

– Люси, отец просил меня поговорить с тобой. Сам он слишком напуган.

Она молча подняла на него печальный взгляд.

– Последнее время удача совсем от него отвернулась. Твой отец гордится своей деловой хваткой, однако познания у него – как у ребенка. Он не лишен воображения и совершенно теряет чувство меры, когда пленяется какой-нибудь небывалой финансовой схемой.

Дик снова замолчал. Удар невозможно было смягчить, придется выкладывать все как есть.

– Он играл на бирже и жестоко просчитался: рассчитывал на рост акций железнодорожных компаний в Южной Америке, а рынок ударился в панику. Не знаю, удастся ли договориться с кредиторами: если нет, его объявят банкротом. Так или иначе, боюсь, Хамлинс-Перлю придется продать.

Люси выглянула в окно, но ничего не увидела. Слезы застилали глаза. Она дышала быстро-быстро, стараясь прийти в себя.

– Я давно этого ждала, – наконец прервала она молчание. – Я отказывалась верить, гнала от себя эту мысль и все же знала, чем все кончится.

– Мне ужасно жаль, – растерянно пробормотал Дик.

Люси вдруг бросила на него яростный взгляд, краска залила ее щеки, но девушка сдержалась и не дала укору сорваться с языка – лишь разочарованно развела руками в полном отчаянии. Понимая, сколь жалко звучат слова утешения в минуту великой печали, Дик промолчал.

– А как же Джордж?

Джорджу было восемнадцать, и он заканчивал колледж в Винчестере, а со следующего семестра должен был отправиться в Оксфорд.

– Леди Келси берет на себя оплату университета, – ответил Дик, – а тебе предлагает пока что пожить у нее.

– У нас что, не осталось совсем ни пенса? – в отчаянии переспросила Люси.

– Полагаю, на помощь отца тебе больше рассчитывать не стоит.

Люси вновь замолчала.

Леди Келси была старшей сестрой миссис Аллертон, которая вскоре после ее замужества вышла за состоятельного коммерсанта, ведшего дела с их отцом. Свою славную карьеру он увенчал тем, что уступил члену проигравшего выборы кабинета собственное место в парламенте, был удостоен за столь патриотический поступок рыцарского звания – и вскоре умер, оставив жену богатой и бездетной. Кроме Люси, у нее был еще один племянник – Роберт Боулджер, единственный сын покойного брата. Именно ему перешла по наследству фирма «Боулджер и Келси», так что все свои нежные чувства леди Келси направила на детей человека, которого искренне любила и который предпочел ей сестру.

– Я рассчитывал, что ты уедешь со мной, – сказал Дик. – Леди Келси ждет, а мне и подумать страшно, что ты здесь совсем одна.

– Я останусь тут до самого конца.

Дик вновь замялся. Ему очень хотелось чуть смягчить удар, однако сказать все равно придется.

– Дом уже продан Джаррету – помнишь, он как-то приезжал. Это брокер и по совместительству основной кредитор твоего отца. Вся обстановка пойдет с молотка на «Кристис».

– Что ж, тогда и говорить не о чем. – Люси протянула Дик у руку. – Прости, но до станции тебе придется идти одному.

– Разве ты не едешь в Лондон? – переспросил он.

Люси покачала головой.

– Хочу побыть одна. Прости, что так тебя выпроваживаю.

– Вовсе нет, моя милая. Благодаря тебе я точно не опоздаю на поезд, – сухо улыбнулся Дик.

– До свидания. Спасибо тебе.

Глава II

Пока Люси бродила по берегу, погруженная в тягостные воспоминания, ее старый друг Дик, поленившись составить ей компанию, разговаривал в гостиной Корт-Лейс с хозяйкой дома.

Миссис Кроули, американка, осталась в Англии после смерти мужа. Она искренне наслаждалась жизнью – и небезосновательно, поскольку была молода, красива и богата, да к тому же сообразительна и остра на язык. Рядом с ее изящной, миниатюрной фигуркой даже Дик Ломас – далеко не гигант – выглядел вполне внушительно. У миссис Кроули были самые крошечные ручки во всем мире. Черты ее были правильны и совершенны, кожа идеальна, а непринужденное изящество столь завораживало, что она казалась каким-то сказочным существом. Миссис Кроули выглядела чересчур утонченной для обычных житейских волнений, и трудно было поверить, что она слеплена из того же теста, что и обычные люди. Она обладала неестествен-

ной грацией изысканных дам с «Паломничества на остров Киферу» восхитительного Ватто, которым пристало в светлых шелках прогуливаться по морскому берегу в лучах солнца под руку с остроумным кавалером. Говорить с миссис Кроули о чем-то серьезном было нелепо, в ее присутствии допускалось лишь легкомысленное подшучивание.

Миссис Кроули пригласила Люси и Дика погостить в доме, который только что сняла на продолжительный срок. Собственноручно потратив неделю, чтобы обставить его по своему вкусу, теперь она требовала, чтобы Дик восхищался каждой мелочью. Прогулявшись по парку, он заявил, что совершенно обессилел и не двинется с места до чая.

– Как вы отыскиали это место? Здесь же настоящая глушь.

– Я познакомилась с владелицей, миссис Крэдок, в Риме, прошлой зимой. Узнав, что я ищу дом, она предложила мне свой.

– Почему она сама здесь не живет?

– Не знаю. Она, кажется, обожала своего мужа, который сломал на охоте шею, и теперь совершенно не выносит этих мест.

Миссис Кроули довольно оглядела гостиную. Поначалу все здесь выглядело необитаемым, но она быстро оживила дом цветами, фотографиями и серебряными украшениями. Ее красота расцветала среди ситцевых штор и шератоновской мебели. В этой уютной комнате миссис Кроули выглядела очень естественно, платье смотрелось на ней превосходно и идеально вписывалось в интерьер. Дик пробежал взглядом по разбросанным всюду книгам.

– А эти литературные труды – они здесь ради чтения или разложены с благородной целью впечатлить меня серьезным складом мысли?

– Не думаете же вы, что я выжила из ума и пытаюсь впечатлить столь легкомысленную особу, как вы?

На столике, у самого его локтя лежали «Ревю де де монд»¹ и «Фортнайтли ревью»². Дик пролистал их: в одном обнаружились «Веселая наука» Ницше, который как раз входил в моду у светской публики и должен был в ближайшее время привлечь внимание ученых; второй же номер содержал работу соотечественника миссис Кроули Уильяма Джеймса.

– Восхищаюсь американскими женщинами, – сказал Дик, откладывая журналы. – Они покупают постельное белье «Дусе» и жадно глотают Герберта Спенсера. Мало того, Спенсер им нравится. Англичанка, читая серьезную книгу, тут же чувствует себя ханжой, а чувствуя себя ханжой, сразу перестает носить корсет.

– Кажется, вы сделали мне комплимент, – отозвалась миссис Кроули, – но он столь тонкий, что не ухватишь.

– Лучшие комплименты порхают над головой, как бабочки вокруг цветка.

– Я предпочитаю пришить их булавкой за брюшко и закрепить крылышки полосками тонкой бумаги.

Стоял октябрь, но осень в том году задерживалась и едва тронула листья деревьев. На улице было тепло, однако миссис Кроули вечно мерзла, поэтому в гостиной горел камин. Она подбросила еще полено и уставилась на потрескивающие язычки пламени.

– Так мило с вашей стороны пригласить Люси, – вдруг сказал Дик.

– Отчего же нет? Люси мне нравится и прекрасно впишется в обстановку. Она словно сошла с портрета Гейнсборо, правда ведь? Хочу посмотреть на нее в этом георгианском особняке.

– С тех пор как они продали дом, девочка сама не своя. Для нее это сильный удар.

– А я купила их вещи и теперь чувствую себя настоящей свиньей.

¹ «Ревю де де монд» – французский литературно-художественный журнал, издающийся в Париже с 1829 года. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² «Фортнайтли ревью» – важнейший и влиятельнейший английский литературный журнал XIX века, основанный в 1865 году.

Когда всю обстановку Хамлинс-Перлю продавали с аукциона «Кристис», недавно овдовевшей миссис Кроули еще было негде жить, и она купила пару картин и старых стульев. Американка привезла их в Корт-Лейс и теперь печалилась, что причиняет Люси новые страдания.

– Возможно, она их не узнала.

– Не говорите глупостей. Конечно же, узнала. Она вошла в эту комнату и сразу впиалась глазами в Рейнольдса.

– Уверен, Люси рада, что картины достались вам, а не кому-то еще.

– Она ничего не говорила. Знаете, я обожаю Люси и восхищаюсь ею, но будь она не так замкнута, было бы куда проще. Никогда мне не понять эту вашу английскую манеру сидеть и сдерживаться, не подавая виду.

– Да уж, просто отдыхать в кресле куда приятнее.

– Я бы вернула Люси покупки, да только она оскорбится.

– Не обижайтесь. Люси пришлось нелегко, и это отразилось на ее характере. Едва ли хоть кто-то представляет, что ей довелось пережить. С пятнадцати лет на ней было все семейство. Они продержались так долго исключительно благодаря Люси. Бедняжка так и не стала девушкой: сначала ребенок, потом сразу женщина.

– И что же, у нее совсем не было ухажеров?

– Полагаю, она не из тех, кого легко полюбить. Нужно быть изрядным смельчаком, чтобы нашептывать ей всякую приятную чепуху: уж больно глупо это звучало бы.

– В любом случае есть ведь Бобби Боулджер. Он наверняка просил ее руки уже раз двадцать.

Сэр Роберт Боулджер унаследовал от отца-промышленника титул баронета и тут же бросил к ногам Люси свое состояние, подкрепленное немалыми личными достоинствами. Его страсть для друзей давно уже не была секретом. Все они не раз выслушивали его торжественные заверения в вечной любви, которые Люси неизменно отвергала с ласковой улыбкой. Леди Келси прилагала всяческие усилия, чтобы объединить племянника и племянницу узами брака, который выглядел разумным со всех точек зрения. Бобби был в меру привлекателен, весьма богат, обладал отменными манерами – добродушный и милый юноша. Возможно, ему не доставало характера – так ведь у Люси его хватило бы на двоих. Ведомый ее твердой рукой, Бобби имел все шансы занять достойное положение в обществе.

– Никогда не встречалась с мистером Аллертоном, – наконец заметила миссис Кроули. – Наверное, он ужасный человек.

– Напротив, я в жизни не встречал особы очаровательнее. Фред как никто в Лондоне умеет попросить сотню фунтов в долг с таким видом, словно сам делает одолжение. Вы бы влюбились в него, не успев завести свой любимый спор о биметаллизме.

– Никогда в жизни ни с кем не спорила о биметаллизме, – запротестовала миссис Кроули.

– Все женщины одинаковы.

– Почему же?

– Все влюбляются в Фреда Аллертона. Он точно знает, о чем завести речь, и всегда говорит – убедительнее некуда. По-моему, леди Келси любит его уже четверть века. Какое счастье, что закон, позволяющий сочетаться браком с сестрой умершей супруги, еще не принят – иначе он женился бы на леди Келси и спустил все ее состояние – как в первый раз. Он все еще очарователен и столь подкупающе честен на вид, что, уверяю вас, устоять невозможно.

– Чем же он с тех пор занимался?

– Что ж, быть банкротом не особенно приятно, хотя я знал людей, которые в этом статусе разъезжали в автомобилях и закатывали пирушки в «Карлтоне», причем чувствовали себя великолепно. Фреда же Аллертона разбирательства с временным управляющим, похоже, лишили последних остатков самоуважения. Он счастлив был избавиться от детей, заботы о которых с радостью приняла на себя леди Келси. Одному Богу известно, на что Фред живет

последние два года, но он по-прежнему с головой в безумных финансовых схемах и неоднократно просил у меня на них деньги.

– Надеюсь, вам хватило ума ему отказать.

– Нет. Одно утешение: прямота у меня сочетается с добротой в нужной пропорции, и в итоге Фред всегда довольствовался пятеркой. Впрочем, боюсь, дела его все хуже. Нет уже той веселой живости, выглядит все хуже и несчастнее. Появилась в нем какая-то хитрость, словно Фред готов к предприятиям по меньшей мере сомнительным, а глаза так бегают, что оставаться в его обществе все неприятнее.

– Вы же не думаете, что он пойдет на мошенничество? – быстро спросила миссис Кроули.

– Нет, я не верю, что ему хватит смелости взять к ветру круче, чем позволяет закон. Кроме того, несмотря ни на что, где-то в глубине души я верю, что Фред – честный малый. Когда он уходит – меня одолевают сомнения, а при встрече противостоять его обаянию невозможно. Я верю каждому его слову.

Они заметили, что к дому направляется Люси. Дик Ломас встал у окна, а миссис Кроули неподвижно следила за девушкой из кресла. Оба молчали. На губах миссис Кроули играла сочувственная улыбка, ее сердце болело от жалости к бедной девушке, на долю которой выпало столько бед. Что-то шевельнулось в ее памяти. Женщина озадаченно задумалась и все же сумела ухватить ускользающую мысль. Перед ее глазами вдруг встала восхитительная «Диана» Джона Ферса из Национальной галереи в Миллбанке³. Миссис Кроули всегда ценила в этой картине не просто красоту и виртуозную кисть мастера, но и воплощение английского духа. Она, иностранка, с интересом наблюдала этот феномен и, будучи человеком весьма начитанным, подвергала его сравнительному анализу. В портрете молодой женщины с двумя борзыми на поводке, в ветре северных пустошей, развевающим ее одежды, подчеркивая гибкую фигуру, миссис Кроули поразительным образом виделось продолжение традиций восемнадцатого века. Если Рейнольдс с Гейнсборо и их элегантно напудренные дамы в платьях с высоким корсажем под сенью тенистых рощ изображали Англию эпохи Просвещения: благовоспитанную и прекрасную, чуть вычурную и бездушную, то Ферс – это современная Англия. Англия, где превыше всего чистота: телесная и духовная; Англия, где любят открытый простор и не боятся дикой природы и буйства стихий. Миссис Кроули достаточно долго прожила на родине предков, чтобы понимать: это и есть настоящая Англия – простая и искренняя; чуть ограниченная и предвзятая, но зато сильная, смелая, преданная великим идеалам. Эта девушка, голубые глаза которой так искренне смотрят на зрителя, – истинная наследница дам сэра Джошуа Рейнольдса, но она принимает по утрам ванну, любит собак и носит практичную короткую юбку. Миссис Кроули с молчаливой усмешкой отметила, что эта Диана вряд ли сведуща в английской литературе и наверняка впадает в тоску от Эмерсона, однако готова была простить мелкие недочеты столь поразительному воплощению могучего духа.

Вошла Люси, и хозяйка приветствовала ее кивком. Ей не хотелось прерывать столь приятных размышлений, и она отметила у Люси тот же прямой взгляд, что у «Дианы» Ферса, те же тонкие, нежные черты – свидетельство безупречной родословной, подчеркнутое здоровым образом жизни. Кожа девушки была безупречной, свежей – какая бывает у людей, не боящихся любой погоды. Ее яркие светлые волосы немного растрепались во время прогулки, и Люси направилась к зеркалу причесаться. Миссис Кроули с удовольствием отметила прямой нос и изящную линию губ. Девушка была высокой, сильной, но очень стройной, а очаровательная гибкость выдавала в ней отличную наездницу.

К удивлению миссис Кроули, лишь очень зоркий наблюдатель отметил бы, что на долю Люси выпали невиданные для ее сверстниц испытания. Всякий восхитился бы открытой улыб-

³ Имеется в виду картина Чарльза Веллингтона Ферса «Диана на холмах» из собрания Британской национальной галереи в лондонском районе Миллбанк.

кой и дружелюбным взглядом девушки – но только зная о перенесенных невзгодах, увидел бы, что она уже женщина, а не ребенок. Давно легшая на плечи ответственность наградила ее самообладанием и необыкновенной, хотя и скрытой за очаровательными манерами сдержанностью, которую отмечали, но не могли преодолеть даже самые близкие друзья. По-американски импульсивная миссис Кроули с присущей ей доброжелательностью пыталась прорваться сквозь этот барьер – безуспешно. Все внутренние терзания, всю боль, печаль, внезапное отчаяние и страстные надежды, а также приступы бурного гнева Люси скрывала глубоко внутри. Выставить чувства напоказ было для нее все равно что появиться перед гостями не одетой. Скромная и вместе с тем гордая, девушка скрывала свои переживания, не ожидая от других сочувствия.

– Звони, пусть подадут чай, – сказала миссис Кроули, когда Люси поправила прическу. – Пока мистер Ломас не восстановит силы, он отказывается меня веселить.

– Вам понравился чай, что я присылал? – осведомился Дик.

– Весьма. Впрочем, я оскорблена: вы всегда присылаете так мало, что чая хватает лишь на время вашего визита.

– Посылка с чаем предваряет мои поездки в любую загородную усадьбу. На самом деле это лучший чай в мире. По моему поручению отец отправился на его поиски в Китай, где провел семь лет. Вы ведь не будете утверждать, что он прожил жизнь зря?

Подали чай, и миссис Кроули спросила Люси о брате, который уже два года учился в Оксфорде.

– Вчера я получила от него письмо, – ответила девушка. – Кажется, у Джорджа все отлично, и в следующем году он закончит университет.

Глаза девушки весело сверкнули, и она, покраснев, извинилась за свою несдержанность.

– Знаете, я ведь с десяти лет воспитывала Джорджа и стала ему как мать. Меня так подмывает выложить вам, как он перенес корь и сколь мужественно вытерпел прививку.

Люси очень гордилась братом, обожала его миловидное лицо и открытую улыбку. Она изо всех сил пыталась оградить его от невзгод, которые сносила сама, и делала все возможное, чтобы ничто не мешало ему безмятежно наслаждаться жизнью. Люси временами корила себя за то, что потакает желанию Джорджа во всем на нее полагаться, и в то же время не могла отказать себе в таком удовольствии. Мальчик скоро возмужает – не страшно, если она пока о нем позаботится. Девушка наслаждалась пылкой любовью брата, гордилась его безграничным доверием и уверенностью в правоте ее суждений, черпая в них силы справляться с трудностями. Люси все время думала о будущем и потому очень радовалась, видя, как обожают Джорджа его друзья. Каждый стремился ему помочь – отличное предзнаменование для уже намеченной карьеры.

Люси вдруг вспомнила последнюю встречу с братом. Летом они жили у леди Келси, на берегу Темзы. В тот день Джордж отправлялся к друзьям в Шотландию, а Люси уезжала раньше, с утра, и он пошел ее проводить. Тоскуя от предстоящей разлуки, она была тронута его печалью. На платформе Джордж поцеловал сестру, а в глазах его стояли слезы. Поезд устремился к Лондону, а он стоял и махал ей на прощанье – такой стройный и милый, совсем еще мальчик в белом костюме для крикета. Люси вдруг ощутила горячую благодарность: несмотря на все беды и несчастья, у нее есть Джордж.

– Вот бы он вырос хорошим стрелком, – невпопад добавила девушка, принимая от миссис Кроули чашку. – У нас в семье все отлично стреляли.

– Та еще семейка! – усмехнулся Дик. – Лучше бы он как следует считать научился.

– Да, считать тоже, – согласилась она.

Предполагалось, что Джордж займется делами фирмы, немалая часть которой все еще принадлежала леди Келси. Люси рассчитывала, что он заработает много денег, расплатится по долгам отца и, возможно, сумеет выкупить семейные угодья.

– Мне хочется, чтобы он был успешен в делах – ведь для Джорджа это теперь единственный путь – и стал превосходным охотником.

Люси стеснялась подробно описывать свои планы, однако в мечтах уже определила Джорджу славное будущее. В их семье все тяготели к вещам изысканным и утонченным – того же девушка желала и брату. Она представляла его преуспевающим дельцом – наподобие флорентийских купцов, благодаря которым ремесло торговца на многие века приобрело благородный ореол в глазах просвещенного человека. Джордж, как и они, будет заключать сложные сделки и богатеть, ведь богатство – самый верный путь к власти; при этом, как и они, будет ценить искусство и литературу, будет развиваться духовно, обладать безупречным вкусом и блистать в физических упражнениях. Его жизнь будет полна всем, что ценят мужчины, а обширные интересы привнесут в нее красоту и великолепие.

– Вот бы мне родиться мужчиной! – с улыбкой воскликнула Люси. – Мне остается только сидеть дома и понукать других, а так хочется чего-то добиться самой!

Миссис Кроули откинулась на спинку кресла и чуть одернула юбку, чтобы та лучше подчеркивала фигуру.

– А я рада, что родилась женщиной, – проворковала она. – Мне незачем привилегии пола, который я сама же с радостью называю «сильным». Пусть мужчины проявляют храбрость и благородство, защищают меня от тягот этого мира, заботятся и ухаживают за мной. Я безответственное создание, на мою требовательность невозможно злиться. Я легкомысленна и мила – как я могу кого-то раздражать? Пустое, это все нервы... Нет уж, лучше я останусь женщиной – слабой и беззащитной.

– Поразительный цинизм! – воскликнул Дик. – За мнимой беззащитностью прячется жестокость флибустьера, а ваша непосредственность – как пистолет, приставленный ко лбу со словами: «Кошелек или жизнь?»

– А вы удобно устроились, мистер Ломас, – перешла в наступление миссис Кроули. – Вас не затруднит подать мне скамеечку для ног?

– Весьма затруднит. – Он, улыбаясь, не двигался с места.

– Прошу вас, – жалобно взмолилась она. – Мне так неудобно, и нога уже онемела. Не будьте столь жестоки.

– Не думал, что вы это серьезно. – Дик послушно встал и выполнил ее просьбу.

– Разумеется, не серьезно, – ответила хозяйка, едва он передал скамеечку. – Просто, зная вашу лень, я решила проверить, сумею ли поднять вас с места при том, что секунду назад предупредила: я женщина до мозга костей.

– А смогли бы вы проделать такое с Алеком Маккензи? – добродушно рассмеялся Дик.

– Боже, я и пытаться не буду. Помните, женщины инстинктивно знают, каких мужчин можно дурачить, и применяют свои уловки только к ним. Молва о всемогуществе женщины зиждется на здравом смысле, который подсказывает ей атаковать лишь ту крепость, чьи стены пришли в негодность.

– Выходит, во всякой женщине кроется жена Потифара, но не во всяком мужчине – Иосиф⁴.

– Для остроумного ответа грубовато, – не осталась в долгу миссис Кроули, – хотя доля истины тут есть.

Девушка с улыбкой слушала шутливую перепалку. В их обществе она утрачивала чувство реальности: миссис Кроули была чересчур изящна, а Дик – слишком эксцентричен, чтобы их

⁴ Отсылка к истории Иосифа из библейской книги Бытия. Иосиф, попав в египетское рабство, был продан начальнику телохранителей фараона Потифару. Жена Потифара возжелала красивого юношу, а когда тот отверг ее ухаживания, обвинила в попытке насилия, за что Иосифа бросили в тюрьму. Подробнее см. Бытие, 39.

можно было воспринимать как обычных людей. Люси чувствовала себя взрослой, вовлеченной в игру, где дети перекидываются сумасбродными репликами, словно строками в буриме.

– Вы вечно уклоняетесь от темы! – возмутилась девушка. – Не могу понять, как мистер Маккензи, который не подаст Джулии скамеечку, связан с женским сумасбродством.

– Не судите нас строго, – отозвалась миссис Кроули. – До его появления я буду легкомысленна, а потом сменю тон на подобающе величественный.

– Когда приезжает Алек? – осведомился Дик.

– С минуты на минуту. Я отправила за ним на станцию экипаж. Вы ведь не дадите ему нагнать на меня тоску?

– Тогда зачем вы его пригласили? – расхохоталась Люси.

– По-моему, Алек мне нравится. Он восхитительный и вообще благотворно на меня действует. К тому же он здесь по просьбе мистера Ломаса, да и в бридж играет превосходно. Думаю, будет интересно. Одно меня смущает: когда я говорю что-то умное, Алек никогда не смеется, а стоит сказать глупость – всегда смотрит так пристально...

– А вот я – смеюсь, стоит вам сказать что-то умное, – заметил Дик.

– Вовсе нет. Просто вы так искренне хохочете над собственными шутками, что я быстренько вставляю свою и тешу себя мыслью, что вы смеетесь именно ей.

– А тебе, Люси, нравится Алек Маккензи? – спросил Дик.

Девушка на мгновение задумалась.

– Не знаю. Временами я нахожу его неприятным, но, как и Джулия, искренне им восхищаюсь.

– Алек и вправду выглядит грозно, – заметил Дик. – Он непростой человек, не терпит в людях неестественности и пугает тех, кто его плохо знает.

– Он твой лучший друг?

– Да.

Дик помолчал.

– Мы знакомы уже двадцать лет, и Алек – замечательнейший человек из всех, кого я знаю. Быть его другом – великая честь.

– Не замечала, чтобы вы обращались к нему с каким-то особым уважением, – заметила миссис Кроули.

– Боже упаси! – воскликнул Дик. – Мой единственный шанс – постоянно над ним подшучивать.

– А он с беспрецедентным добродушием выносит ваши насмешки.

– Я не рассказывал, как мы познакомились? Это случилось на глубине в пятьдесят саженей по меньшей мере в тысяче миль от берега.

– Не лучшее место для знакомства!

– Вдобавок мы оба насквозь промокли. Я тогда по молодости валял дурака перед отправкой в Оксфорд, и мудрый папаша послал меня в Америку набираться ума-разума. Я упал за борт и стал тонуть, но Алек прыгнул вслед и вытащил меня за волосы.

– Теперь ему нелегко пришлось бы, – заметила миссис Кроули, намекая на редкую шевелюру Дика.

– Поразительно, но он до смешного мне благодарен. Словно я оказал ему услугу и плюхнулся в Атлантический океан с единственной целью – позволить себя спасти.

Едва эти слова сорвались с губ Дика, к воротам Корт-Лейс подкатил экипаж.

– А вот и он! – радостно воскликнул Дик.

Дворецкий, распахнув дверь, объявил о приходе гостя, и в гостиную вошел Александр Маккензи.

Он был чуть ниже шести футов ростом, ладно сложен и на первый взгляд не выделялся исключительной силой. Однако крепкие руки и полное отсутствие лишнего веса намекали на

недожинную выносливость. Темные волосы подстрижены очень коротко, а рыжеватые усы и борода скрывали квадратный подбородок и решительный изгиб рта. Небольшие глаза обладали странной способностью неподвижно впитаться в заинтересовавший объект. Во время разговора Алек не поглядывал по сторонам, а смотрел прямо на собеседника, что некоторых слегка раздражало. У него была мерная походка путника, способного покрыть за день немалое расстояние, а уверенное поведение выдавало человека, привыкшего командовать. Кожу Алека покрывал тропический загар.

Миссис Кроули с Диком беззаботно болтали, гость же явно не привык к пересудам и сразу погрузился в молчание. От чая он отказался, однако хозяйка все равно налила еще чашку.

– Можете не пить. Просто держите ее в руке. Терпеть не могу людей, которые во всем себе отказывают. Мой дом не место для умерщвления плоти.

Алек мрачно улыбнулся:

– Разумеется, я выпью, если вам так хочется. В Африке я привык есть два раза в день, да так и не отучился – хотя друзьям это и причиняет неудобства. – Он посмотрел на Ломаса. Губы его не дрогнули, однако в глазах загорелся нежный и немного лукавый огонек. – Вот Дик – тот ест слишком много.

– Боже милосердный, да я вообще единственный нормальный человек во всем Лондоне. Ем три раза в день и не отказываю себе в удовольствии выпить чая. Болезнями не страдаю, совершенно здоров. Никаких причуд у меня нет: я не грызу орехи, как белка, не клюю виноград, словно птица, и не верю в пепсин, протеин и прочую чепуху. Я хищник, а не вегетарианец; я пью, когда хочу пить, при этом сознательно предпочитаю алкоголь.

– Сегодня за ленчем мне подумалось, – заметила миссис Кроули, – что удовольствие, с которым вы поглощаете ростбиф, – признак грубой и бесстрастной натуры.

– Я наслаждаюсь вкусной едой наряду с другими радостями жизни и потому с уверенностью смотрю в будущее.

– Почему же? – спросил Алек.

– Потому что, когда человек стареет, ему остается лишь наслаждаться едой. Любовь? Какая любовь в пятьдесят пять, когда позорную лысину уже не скроешь! Честолюбие? Оно уходит, стоит лишь понять, что почести – удел наглых, а слава – крикливых. В конце концов, все мы достигнем возраста, когда всякая страсть кажется суетной, а всякое желание не стоит затраченных усилий – и вот тогда-то у человека с хорошим аппетитом останутся целых три радости: завтрак, обед и ужин.

Алек не спускал с друга глаз. Он привык видеть в Дике взбалмошного мальчишку, который несет чепуху просто ради смеха. Точно так же – умиленно, но свысока – сенбернар наблюдает за забавными трюками тойтерьера.

– Прошу, скажи хоть что-нибудь! – с ноткой раздражения воскликнул Дик.

– По-моему, ты ждешь, чтобы я возразил. Но зачем? Ты говоришь полную чушь: от первого до последнего слова. Но если тебе нравится нести чепуху – я не возражаю.

– Мой дорогой Алек, стальной кулак неуместен в дружеском разговоре. Что это за игра, когда у одного бирюльки, а у другого кувалда?

Люси молча разглядывала гостя, откинувшись на спинку кресла. Два месяца назад Дик пригласил их с миссис Кроули на ленч и познакомил с Алеком, который только-только вернулся из Момбасы. С тех пор они виделись довольно часто, однако Люси чувствовала, что знает о нем ровно столько же, сколько и в первый день, и все не могла понять, нравится ей Алек или нет. Удачно, что он задержится в Корт-Лейс – теперь-то она по-настоящему с ним познакомится: дело явно того стоило. Языки пламени отбрасывали на лицо Алека мрачные тени, придавая ему властный и непреклонный вид. Гость не замечал, что за ним следят, – он вообще никогда не замечал, что вызывает всеобщее внимание.

Люси рассчитывала расспросить о его делах: как прошлых, так и нынешних. Сама мечтавшая о великих свершениях, девушка жаждала услышать рассказы Алека, тем более что его жизненный путь усеивали загадочные лакуны, которых она не могла заполнить с чужих слов. Он мало кого знал в Лондоне, зато почти весь город знал его с той или иной стороны, причем все было на редкость единодушно во мнении. Алек считался непревзойденным знатоком Африки. За пятнадцать лет он побывал везде, в том числе там, где не ступала нога белого человека, однако ничего не писал о своих приключениях: отчасти из равнодушия к хронике собственных свершений, отчасти от природной скрытности и нежелания пересказывать свои подвиги всем и вся. Ему была свойственна инстинктивная сдержанность и стремление держать открытия при себе. При том, что деяния Алека были неизвестны праздной публике, специалисты ценили их крайне высоко. Его сообщения слушали в Географическом обществе с чрезвычайным интересом (хотя побудить Алека к выступлению стоило немалых усилий), а статьи время от времени появлялись в журнале «Нейчер» и различных этнографических изданиях – в них кратко сообщалось о каком-нибудь открытии или важном наблюдении. Время от времени он выступал в министерстве иностранных дел с докладами о странах, в которых побывал, причем Люси доводилось слышать, что власти ценят его за исключительную проницательность.

Она припомнила все, что знала о госте.

Алек Маккензи был весьма состоятельным человеком. Он происходил из старинной шотландской семьи и владел прелестной усадьбой в горах на севере, однако основной доход ему приносила угольная шахта в Ланкашире. Потеряв родителей еще в детстве, к совершеннолетию он стал еще богаче. От дяди ему досталось ранчо на Диком Западе, желая осмотреть которое Алек и покинул Англию в первый раз – в промежутке между Итоном и Оксфордом. Тогда-то и состоялось его знакомство с Ричардом Ломасом. Возможно, залогом столь тесной дружбы стала именно их непохожесть: безудержная энергия одного уравновешивалась беззаботностью другого. Закончив Оксфорд, Алек ненадолго отправился поохотиться в Африку и пленился загадками великого континента. Иногда новое место кажется неожиданно знакомым, и мы убеждаем себя, что уже бывали там прежде, – так и Алек вдруг почувствовал себя как дома на бескрайних просторах Африки. Когда перед глазами раскинулась бескрайняя пустыня, он ощутил радостное возбуждение, словно внутри проснулась сила, о которой он раньше не подозревал. Не считая себя честолюбивым, он тем не менее оказался охвачен честолюбием; будучи чужд поэзии, вдруг ощутил, как бурлит в жилах поэтический зов бродячей жизни. К проявлениям романтики Алек всегда относился с присущей здравомыслящему шотландцу насмешкой – как вдруг романтическая волна увлекла его куда-то в неведомое море.

По возвращении в Англию Алека охватило необычное беспокойство. Его не занимали охотничьи трофеи, которыми гордились друзья; мир казался тесным и ограниченным, воздух в городах – затхлым.

Кровь бурлила в жилах, когда он читал захватывающие книги об исследованиях Африки. Все началось с Мунго Парка – тоже шотландца, который хотел отыскать исток Нигера и пройти по его берегу до самого устья. Он рисковал жизнью, не страшась ни жары, ни свирепых дикарей, ни коварных магометан, и добрался до верхнего течения великой реки. В ходе второй экспедиции Парк собирался пройти по ней до самого моря. Часть его спутников сгубили болезни, другую перебили туземцы – никто не вернулся. От Мунго Парка осталась лишь книга, обнаруженная британскими путешественниками в хижине одного африканского вождя.

Затем Алек прочел о поисках Тимбукту – мечты всех исследователей девятнадцатого века. Этот город овладел их умами подобно тому, как влек путешественников елизаветинской эпохи Эльдorado с золотым городом Маноа. Тимбукту считали столицей богатого и могущественного государства, и пылкие умы рассчитывали обнаружить в нем невиданные чудеса. Однако гнала их вперед не жажда наживы, а неумное любопытство и безрассудная смелость. После множества отчаянных попыток до города добрался еще один шотландец – Александр

Гордон Ленг. Его успех стал символом суетности подобных предприятий, ведь легендарный золотой город оказался заурядной деревушкой.

Изучая жизнеописания великих исследователей, Алек обнаружил, что лучшие из них отправлялись в путь без всякой армии, лишь с небольшими отрядами, а то и вовсе в одиночестве, а успех предприятия зависел не от физической силы, а от силы духа. Майор Дарем, ветеран Испанской революции, первым из европейцев пересек Сахару. Капитан Клаппертон и его слуга Ричард Ландер первыми прошли от Средиземного моря до побережья Гвинеи. Клаппертон умер в конце пути, и Алек видел нечто возвышенное в том, как его преданный слуга Ричард Ландер продолжил дело хозяина и в конце концов разгадал загадку Нигера. Он завершил великое дело и тоже умер от причиненных туземцами ран – у самого устья реки, вдоль которой так долго шел. Ни один из первых покорителей Африки не вернулся живым. Эти отчаянные, но вовсе не безрассудные люди осознанно шли на риск. Неизвестность манила их слишком сильно, а смерть казалась пустяком в сравнении с успехом задуманного предприятия.

Больше других Алека Маккензи интересовали двое: славный и загадочный Ричард Бертон, сам по себе заслуживавший восхищения даже больше, чем его свершения; и величайший исследователь Африки Ливингстон. Было в характере благородного шотландца что-то особенно трогательное. Маккензи редко чем-то всерьез увлекался, но многое отдал бы за знакомство с этим человеком. Алека странным образом волновала мысль об одинокой кончине Ливингстона и о его могиле в самом сердце любимого путешественником Черного континента. На ней вполне можно было бы начертать ту же эпитафию, что и на надгробном камне сэра Кристофера Рена⁵.

Наконец Алек дошел до трудов Генри Стэнли. Этот человек вызывал не восхищение, не любовь, а беспристрастное уважение. Ему невозможно было отказать в величии. Стэнли был фигурой наполеоновского склада, умел подчинить всё цели и беспощадно сражаться ради ее достижения. Из его интереснейших записок можно было многое почерпнуть, и Алек изучил их с присущей ему тщательностью.

Покончив с чтением, Алек решился. Он нашел свое призвание.

Он не стал посвящать друзей в еще не продуманные планы, а принялся между делом разыскивать людей, которых мог бы порасспросить. Наконец он отплыл в Занзибар и отправился в первое путешествие – попробовать свои силы. Через месяц Алек заболел, и в миссии, куда его доставили носильщики, думали, что путешественник не выживет. Проведя десять недель между жизнью и смертью, он не сдался. Алек настоял, чтобы его переправили обратно на побережье, а там победил болезнь могучим усилием воли. Подходящее время для экспедиции было упущено – пришлось возвращаться в Англию. Любой на его месте опустил бы руки, Алек же лишь укрепился в своих намерениях. Смертоносный африканский климат стал ему личным врагом, которому Маккензи отказывался уступать. Он вынес из первой поездки необходимый опыт и, вернувшись в Англию, приобрел кое-какие знания медицины и других наук, необходимых путешественнику. Обладая потрясающей способностью погружаться во что-то с головой, он за год упорного труда освоил ботанику, геологию и основы картографии; изучил методы лечения тропических болезней и приобрел достаточно познаний в хирургии, чтобы вылечить сломанную конечность и провести несложную операцию. Чувствуя, что готов к серьезному предприятию, Алек в этот раз планировал выступить в путь из Момбасы.

Вот все, что было известно Люси: частью из собственных размышлений, а частью по рассказам Дика. Именно он дал девушке «Журнал королевского географического общества» с отчетом о пятилетних скитаниях Алека Маккензи. Исследованные им страны сформировали впоследствии Британскую Восточную Африку.

⁵ Выдающийся английский архитектор Кристофер Рен похоронен в построенном им лондонском соборе Святого Павла. Эпитафия на могильной плите гласит: «Если ищешь памятник ему, оглянись вокруг».

Размышления девушки прервал звонок к ужину.

Глава III

Сразу после ужина сели за бридж. Миссис Кроули считала беседу высоким искусством, которому нельзя предаваться, пока тело занято перевариванием пищи. Для нее игра в карты была приятным способом отвлечься и подготовиться к словесному поединку, который может последовать за утолением телесных потребностей. Люси выбрала в партнеры Алека Маккензи и следила за ним, когда приходила ее очередь выложить карты на стол. В отличие от Дика, не умолкавшего ни на секунду, Алек полностью отдавался игре и не ослаблял внимания. Остроумные замечания Дика он пропускал мимо ушей. Понемногу партнер стал занимать Люси куда больше, чем сама игра. Девушку поразили его сосредоточенность и энергия, а также удивительная способность: он словно знал, у кого какие карты, уже в начале каждого розыгрыша. Еще Люси отметила, что он с особенным увлечением ведет игру за себя и за партнершу: человека, привыкшего заботиться обо всем самому, тяготило любое разделение ответственности.

Доиграв роббер, Дик раздраженно откинулся на спинку кресла.

– Не понимаю! – воскликнул он. – Я играю гораздо сильнее тебя, и карты у меня лучше, а все взятки – твои!

Дик и правда считался превосходным игроком, так что его досаду можно было понять.

– Мы нигде не ошиблись, – заверил он партнершу, – расклад оказался удачный, однако ни одна наша хитрость не сработала. – Он обратился к Алеку: – Как ты, черт побери, догадался, что у меня две дамы?

– Я ведь знаком с тобой двадцать лет, – улыбнулся Алек. – Я знаю, что ты эмоционален и импульсивен, но при этом проницателен. Я знаю, что ты быстро соображаешь, легко считаешь сложные комбинации – и так радуешься своей предусмотрительности, что играешь, словно рассчитанные тобой варианты обречены воплотиться в жизнь. На основании этого несложно уже после пары взяток понять, что у тебя за карты.

– Знать карты противника – это что-то сверхъестественное, – заявила миссис Кроули.

– Многое можно прочесть по лицу. Этому я научился в Африке. Туземцы там гораздо чаще лгут, чем говорят правду, поэтому быстро привыкаешь следить не за тем, что они говорят, а за тем, как при этом выглядят.

Пока миссис Кроули поудобнее устраивалась в полюбившемся ей кресле, Дик отошел к камину и загородил его от собравшихся в комнате.

– Почему вы впервые решили отправиться в Африку? – вдруг спросила хозяйка.

Алек медленно поднял на нее свой пристальный взгляд и улыбнулся:

– Не знаю. У меня была куча денег и совершенно нечем заняться.

– Неправда, – вмешался Дик. – Один сумасшедший мечтал отыскать какую-то страну, куда еще не ступала нога человека – да даже если бы и ступила, то ненадолго: кого не прикончат дикари, добьет местный климат. Назад он вернулся полумертвый от лихорадки и, заверив всех и вся, что из владений Рофы никому не вернуться живым, тут же испустил дух. Алек, разумеется, сразу собрал чемоданы – и напрямик туда.

– Я доказал, что он был не прав, – спокойно отозвался Алек. – Мы с Рофой подружились, и будь у меня сестра, он был готов на ней жениться.

– А если бы кто-то заявил, что невозможно проскакать через всю Азию на одной ножке, ты тут же отправился бы доказывать обратное. Ты обожаешь браться за дела трудные и опасные – а если они вовсе не выполнимы, так чуть не пляшешь от радости.

– Уж чересчур театральный образ, – улыбнулся Алек.

– Но ты такой и есть. В жизни не встречал более мелодраматического персонажа. – Дик обратился к дамам с приглашающим жестом. – Призываю вас в свидетели. В Оксфорде Алек

был настоящим докой по части классики, писал стихи на разных языках, которые одни профессора понимают. Ему пророчили будущее величайшего ученого.

– Одна из любимых историй Дика, – заметил Алек. – Жаль, что в ней нет ни слова правды.

Но Дик продолжал:

– С другой стороны, в математике он был совершенно беспомощен. Знаете, бывают люди, которым не дано справляться с цифрами, – так вот Алек не мог два и два сложить, чтобы не получился гексаметр. Как-то раз преподаватель на него разозлился и заявил, что проще обучить арифметике кирпичную стену. Я при этом присутствовал – ужасно грубо получилось. У этого преподавателя был настоящий дар выставить других совершенно никчемными. Алек ничего не сказал – только посмотрел на него. Надо сказать, когда Алек злится, он не краснеет и не швыряет все, что под руку попадет, как обычные люди, – он чуть бледнеет и смотрит так пристально...

– Умоляю вас, не верьте ни единому слову! – запротестовал Алек.

– И вот Алек забросил классиков. Все друзья пытались его переубедить, зывали к здравому смыслу – к здравому смыслу упрямейшего из ослов всего христианского мира! Алек решил стать математиком. Два с лишним года он по десять часов в день трудился над предметом, которого терпеть не мог, и могучим усилием воли приобрел то, чего был лишен от природы. Он получил по математике высший балл – и что толку?

Алек пожал плечами:

– Не то чтобы я так уж интересовался математикой. Просто она помогла мне одолеть одно неприятное слово.

– Одолеть слово?

– Звучит самоуверенно, – усмехнулся Алек, – но речь о слове «невозможно».

Дик фыркнул, изображая гнев.

– А еще она обеспечила тебе любимое удовольствие: делать себе как можно больнее. С какой дьявольской веселостью ты занимался бы умерщвлением плоти в Средние века, отказывая себе во всех радостях жизни! Ты счастлив, только когда доводишь себя до последнего предела.

– С каждым моим возвращением в Англию ты, Дик, все чаще и чаще несешь чепуху, – сухо отозвался Алек.

– Я один из немногих ныне живущих, кто умеет нести чепуху, – рассмеялся тот. – Потому я так очарователен, тогда как остальные убийственно серьезны.

Он приступил к давно заготовленной речи:

– Я сожалею, что мир так суров. Многие полагают, что действовать – похвально само по себе, вне зависимости от сути действия. Мне ненавистна нынешняя безумная спешка. Ах, если бы я мог донести до всех, сколь восхитительна праздность.

– Едва ли вас можно обвинить в праздности, – улыбнулась Люси.

Дик задумчиво посмотрел на девушку.

– Ты знаешь, что мне уже почти сорок?

– Когда свет падает на глаза, можно и тридцать два дать, – заметила миссис Кроули.

Он продолжил с серьезным видом:

– У меня ни единого седого волоска.

– Наверное, слуга выщипывает их по утрам?

– Вовсе нет. Может, по бокам, да и то раз в месяц.

– Кажется, на левом виске что-то белеет.

Дик быстро обернулся к зеркалу.

– Как же Чарльз его пропустил? Устрою ему хорошую взбучку!

– Подойдите, я его выдерну, – предложила миссис Кроули.

– И не подумаю! Что за фамильярность?

– Ты собирался нам что-то сообщить и признался, что тебе почти сорок, – напомнил Алек.

– На днях одна мысль поразила меня так, что заставила задуматься о собственной жизни. Я уже пятнадцать лет тружусь в суде и заседаю в парламенте с прошедших выборов. Я зарабатываю две тысячи в год, скопил уже почти четыре тысячи и никогда не трачу больше половины общего дохода. И вот я подумал: а стоит ли восемь часов улаживать омерзительные свары всяких идиотов, а еще восемь часов тратить на фарс, называемый у нас государственными делами?

– Почему же фарс?

Дик Ломас презрительно пожал плечами:

– Фарс и есть. Верховодят крупные шишки, а остальные нужны, чтобы создавать видимость самоуправления.

– Просто у тебя нет всепоглощающей политической цели, – рассудил Алек.

– Позвольте! Я убежденнейший суфражист, – отозвался Дик с легкой улыбкой.

– Вот уж не ожидала, – заметила миссис Кроули, всегда одевавшаяся с безупречным вкусом. – И ради чего?

Дик пожал плечами:

– Всякий, кто участвовал в парламентских выборах, знает, сколь низкими и недостойными мотивами руководствуются мужчины, отдавая свой голос. Лишь немногие отдают себе отчет, как велика возложенная на них ответственность. Они не сознают, сколь многое стоит на кону, и превращают свой голос в предмет постыдного торга. Судьба кандидата в руках ловкачей да чудаков. Я надеюсь, что женщины, получив право голоса, окажутся еще чуточку ограниченной и станут отдавать его по мотивам еще более низким и недостойным. Всеобщее избирательное право сведется к абсурду, и тогда мы еще чем-нибудь займемся.

Дик говорил с необычной горячностью, и Алек наблюдал за другом с оттенком интереса.

– И к чему ты пришел?

Тот помолчал и смущенно улыбнулся:

– Я решился на важный шаг, хотя понимаю, что, кроме меня, он никого не затронет. Через несколько месяцев новые выборы, и я планирую известить партийное руководство, что не буду баллотироваться. Я освобожу кабинет в Линкольнз-Инн – как говорится, «прикрою лавочку». Мистер Ричард Ломас удаляется от активной жизни.

– Вы ведь это не всерьез? – воскликнула миссис Кроули.

– Отчего же?

– За месяц безделья вы сойдете с ума от скуки.

– Едва ли. На мой взгляд, все разговоры про «благородный труд» – полная чепуха. Работа – это наркотик, которым зануды лечатся от приступов жестокой скуки. Ее воспевают, поскольку для большинства работа – это необходимость, а человек всегда стремится подсластить горькую пилюлю. Труд – это успокоительное. Он делает людей тихими и довольными – такими одно удовольствие управлять. Мне кажется, святость труда – величайшее надувательство эпохи христианства. Первые христиане, понимаете ли, были рабами, и им нужно было показать, что изнурительный труд почетен и благороден. По большому счету, когда человек зарабатывает на хлеб себе, жене и детям – это мучительная необходимость, в которой нет ничего героического. Если для некоторых людей средства важнее цели, мне остается лишь пожать плечами, поражаясь их скудоумию.

– Нечестно сразу говорить так много! – всплеснула руками миссис Кроули.

Однако Дика было не остановить.

– У меня же нет ни жены, ни детей, а денег больше чем достаточно. Зачем я буду вырывать кусок хлеба изо рта у другого? Прибыльная практика не моя заслуга – это вообще редко зависит от личных достоинств, – просто я представляю крупную адвокатскую фирму. А уж в идиотских судебных разбирательствах и вовсе ничего достойного нет. Как правило, стороны друг

друга стоят: одинаково несговорчивы и упрямы. Нет, адвокатская карьера – вполне достойный способ добывать пропитание, но и только. Если не нуждаешься в заработке, то не вижу повода поддаваться донкихотским рассуждениям о ценности изнурительного труда. Почему собираюсь отказаться от кресла в парламенте, я уже объяснил.

– Вы понимаете, что лишаетесь возможности сделать блестящую карьеру? В следующем правительстве вы могли бы стать заместителем министра.

– И целовать ботинки еще паре особ, которых я презираю?

– Это очень опасное предприятие.

Дик посмотрел в глаза Алеку Маккензи.

– И ты пытаешься меня от него отговорить? – улыбнулся он. – Ведь только опасные предприятия по-настоящему интересны.

– И как же вы будете проводить время? – спросила миссис Кроули.

– Я собираюсь превратить праздность в искусство. Сегодня все воротят нос от дилетантов. Что ж, я стану дилетантом и предамся всем радостям жизни. Мне уже сорок и жить осталось не так-то много: в оставшиеся годы я буду познавать мир и все, что в нем есть восхитительного.

Алек в глубокой задумчивости смотрел на огонь. Наконец он глубоко вздохнул и встал в полный рост.

– Полагаю, у каждого своя жизнь, и не нам судить, что лучше, а что хуже. Но я бы предпочел идти вперед, пока держат ноги. У меня тысячи планов. Даже десяти жизней не хватило бы на десятую часть того, что, по-моему, не терпит отлагательств.

– И каков будет конец?

– Мой конец?

Дик молча кивнул. Алек слабо улыбнулся:

– Что ж, полагаю, меня ждет неприглядная смерть от усталости и болезней в каком-нибудь болоте. Носильщики сбегут с оружием и припасами, а остальное довершат шакалы.

– Просто ужас! – содрогнулась миссис Кроули.

– Я фаталист, потому что слишком долго прожил среди людей, самое существо которых состоит в покорности судьбе. Когда придет время, я не смогу ничего изменить. – Он загадочно улыбнулся. – Но еще я верю в хинин и надеюсь, что ежедневное употребление этого восхитительного средства не позволит судьбе так просто перерезать нить моей жизни.

Люси восхищенно следила за противостоянием двух мужчин, один из которых возложил душу на алтарь цели и яростно рвался к ней, понимая, что в конце его ждет страшная смерть в одиночестве; второй же решил целенаправленно наслаждаться радостями жизни, лелеять их, словно садовые цветы.

– Самое ужасное, что через сто лет все будет точно так же, – заявил Дик. – Все позабудут и о твоём упорстве, и о моем легкомыслии.

– Какой же из этого вывод? – спросила миссис Кроули.

– Что самое время для виски с содовой.

Глава IV

В поместье, которое сняла миссис Кроули, можно было поохотиться, и на следующее утро Дик отправился на поиски дичи. Алек отказался составить другу компанию.

– Мне скучно охотиться в Англии, – объяснил он. – Я убиваю только ради пищи, а птица здесь настолько ручная, что будто по курам стреляешь.

– Полная чепуха, – заявил Дик. – Просто ты сумеешь попасть разве что в гиппопотама, а из крупной дичи здесь только коровы миссис Кроули.

После ленча Алек Маккензи предложил Люси прогуляться, и та с радостью согласилась.

– Куда отправимся? – спросила Люси.

– Пойдемте к морю.

Она повела гостя по Джой-лейн, соединявшей рыбацкий городок Блэкстейбл с деревней Уэйвни. Море тут раскинулось особенно широко, соленый бриз приятно шекотал ноздри. Кругом тянулись пустынные болота, придавая пейзажу особенную ширь, и Алек непроизвольно ускорил шаг. Шел он неторопливо, неспешной походкой человека, привыкшего к большим переходам, так что привычка Люси к долгим прогулкам оказалась весьма кстати. Они беседовали о разных мелочах, но вскоре замолчали. Девушка заметила, что компаньон погрузился в раздумья, и не стала их прерывать. Ее позабавило, что, пригласив ее на прогулку, этот странный человек даже не пытался развлечь спутницу. Время от времени он резким, гордым жестом вскидывал голову и смотрел на море. Чайки лениво скользили над самой водой. Уныние, разрывавшее сердце Люси при виде этой сцены несколько дней назад, охватило и Алека, но странным образом лишь подняло ему настроение, натолкнуло на радостные мысли. Он еще ускорил шаг. Девушка молча держалась рядом. Алек шагал, не глядя по сторонам, и вскоре морской берег остался позади. Они долго брели по извилистой дороге меж аккуратных изгородей и плодородных полей; а кругом раскинулся прелестный кентский пейзаж с его сельской красотой и уютом. Они миновали повозку, возле которой щипала траву косматая лошаденка, а рядом, у костерка, расселось в кружок семейство цыган. Картина странным образом взволновала девушку. Эти люди вели бродячую жизнь, домом им служил ветхий фургон, они знали удивительные тайны лесов и полей – и ее вдруг охватило всепоглощающее стремление к свободе, к далеким горизонтам. Наконец они подошли к массивным воротам Корт-Лейс, за которыми тянулась аллея вязов.

– Вот мы и дома, – прервала долгое молчание Люси.

– Уже? – Он будто бы содрогнулся. – Спасибо за милую прогулку и приятную беседу.

– Беседу? – Девушка расхохоталась. Алек выглядел удивленным, и она добавила: – Вы же за два часа не соизволили проронить ни слова.

– Простите. – Его загорелое лицо покраснело. – Так невежливо с моей стороны. Я слишком много времени провожу в одиночестве и совершенно позабыл о приличиях.

– Ну и ничего, – улыбнулась Люси, – побеседуем в другой раз.

На самом деле она была чуть польщена. Девушка приняла поведение Алека как диковинный комплимент. После этой безмолвной прогулки между ними образовалась какая-то невидимая связь, причем Маккензи, кажется, тоже почувствовал с ней определенную близость. Люси стала для него не просто знакомой, а другом.

Через пару дней миссис Кроули предложила поехать в Теркенбери осмотреть собор, а Маккензи попросил у нее разрешения отправиться пешком.

– Не смею и просить вас составить мне компанию, – обратился он к Люси.

– Сочту за честь.

– Я постараюсь вести себя лучше, чем в тот раз.

– Не стоит, – улыбнулась девушка.

Дик, не желавший идти пешком, когда можно было ехать, отправился в экипаже с миссис Кроули. Алек подождал Люси, которая отошла на конюшню прихватить с собой собаку и быстро вернулась. Он посмотрел на девушку. Для Алека большинство его товарищей являлись фигурами отвлеченными. Он их рассматривал, разговаривал с ними, отмечал какие-то особенности, но почти никогда не видел в них живых людей. Они были призраками, с которыми необходимо считаться, но никогда не становились частью его мира. Теперь же он с изумлением понял, что Люси – не такая. Девушка вдруг его заинтересовала. Он словно увидел ее впервые и ощутил себя странно взволнованным ее редкой красотой. В саржевом платье, перчатках и шляпке с вуалью, с посохом в руке, Люси вдруг показалась Алеку живым духом местности, по

которой он бродил последние дни. Ему нравилась стройная худоба девушки, ее легкая походка и особое очарование голубых глаз.

Его вдруг охватило горячее желание говорить, и, даже не подумав, что предмет его волнений может оказаться совершенно неинтересен спутнице, Алек обратился к своей неизменной теме. Он говорил обо всем, что его занимало: начал с текущего предприятия, затем вернулся к изначально привлекавшим его событиям, после чего перешел к планам на будущее – и, чтобы окончательно разяснить, поведал о своих изначальных побуждениях. Люси, внимательно слушая, время от времени что-то спрашивала, и вскоре у нее в голове сложилась полная картина. Теперь она могла связно изложить жизненный путь Алека Маккензи, в том числе и детали, о которых не был осведомлен Дик Ломас.

Какое-то время Алек путешествовал по Африке без особой цели, не считая любопытства и стремления к неизвестному. Первую экспедицию он и правда предпринял по следам неудачи другого исследователя. В пути его ждали привычные для Африки испытания: голод, болезни, тяжелейший переход через бесконечные болота и тропический лес, где за день удавалось продвинуться не более чем на милю. Он столкнулся с бегством носильщиков и вероломством местных племен, но все же добрался до цели своего путешествия. Свирепый властитель этой страны был враждебно настроен к белым, и Алеку пришлось держать ухо востро, поскольку его спутники, страшась встречи с этим жестоким племенем, при первой возможности бежали в джунгли. Вождь пригрозил убить путешественника, если тот попытается явиться в его столицу. Дальнейший рассказ Алек повел как бы извиняясь, словно стыдился своих поступков. Небрежно-шутливый тон был призван преуменьшить опасности и проявленную им храбрость. Получив предупреждение вождя, путешественник надменно ответил, что прибудет в его крааль еще до полудня. Он не желал дать противнику оправиться от изумления, и едва посланник доставил вождю ответ, Алек явился к нему сам – один и без оружия.

– И что вы ему сказали? – спросила Люси.

– Спросил, какого черта он отправил мне столь постыдное послание, – улыбнулся Алек.

– И вам не было страшно?

– Было.

Он немного помолчал, словно пытаясь припомнить охватившее его тогда настроение, и замедлил шаг.

– Видите ли, ничего больше не оставалось. У нас подходили к концу припасы, и еду нужно было раздобыть любой ценой. Выкажи мы страх, дикари тут же набросились бы. Мои люди боялись драться, так что нас перерезали бы как овец. И тут у меня возникло странное ощущение, что все будет хорошо и мое время еще не пришло.

И все же три часа жизнь Алека висела на волоске. Люси поняла, что лишь благодаря его беспримерной храбрости угрюмый и подозрительный вождь стал путешественникам искренним другом.

Алек достиг поставленной цели, а также открыл новый вид антилопы и доставил в Музей естественной истории ее полный скелет и две шкуры. Он провел ряд географических измерений, исправив существующие ошибки, и тщательно изучил местность. Выяснив все, что можно, и дружески распрощавшись со свирепым вождем, Алек через месяц благополучно прибыл в Момбасу, из которой выступил пять с лишним лет назад.

Экспедиция принесла довольно скромные результаты, но Алек рассматривал ее как пробную. Он окреп и был готов к великим свершениям. Он понял, как вести себя с туземцами, и осознал, что способен ими повелевать. Он верил в себя. Он привык к тяготам местного климата и уже не боялся жары и лихорадки. На побережье он ощутил себя как никогда сильным и теперь стремился в глубины континента с десятикратным пылом. В ушах Алека звучала песнь сирен, от которой нет спасения.

Прожив год в Англии, он вернулся в Африку, намереваясь отправиться в области к северо-востоку от Великих озер. Земли эти примыкали к Британской Восточной Африке, относились к сфере влияния Англии, однако освоены еще не были и представляли собой россыпь независимых государств, подчинявшихся арабским эмирам. В этот раз Алек путешествовал по официальному поручению правительства и имел право заключать соглашения с туземными вождями. Он провел там шесть лет, методично исследовал страну и составил ценнейшие карты, а также собрал море научного материала. Он изучал нравы и обычаи местных племен, с особым вниманием следил за политическими событиями. Эта обширная, плодородная земля, вполне пригодная для жизни белого человека, пришла в запустение из-за непрерывных войн. Именно тогда Алек осознал весь ужас рабства, уничтожение которого стало его главной целью. Силы его были невелики, и, опасаясь вызвать враждебность арабских работорговцев, он поначалу расширял свое влияние средствами дипломатии. Зная, что находится под постоянным подозрением, Алек не доверял даже мелким царькам, которых связывали с ним узы преданности и дружбы. Однажды могущественный султан целый год держал его в почетном плену, и жизнь путешественника была в великой опасности. Изо дня в день он ложился спать, не зная, увидит ли восход солнца. Этот араб принимал его со всеми почестями, но отказывался отпускать. Наконец Алек, улучив момент, когда султан сошелся в бою с посягнувшим на его трон братом, бежал, бросив все свое имущество, кроме записей, научных образцов и оружия.

Вернувшись в Англию, Маккензи доложил министерству иностранных дел о результатах экспедиции. Он отметил, что непрекращающаяся работорговля превратила богатую страну в пучину анархии; умолял отправить войско и искоренить эту заразу – если не из гуманистических побуждений, то хотя бы ради государственного престижа. Алек вызвался отправиться с экспедицией в любом качестве – лишь бы участвовать в благородной борьбе – и согласился поступить под начало любого назначенного властями командира. Его знания и авторитет среди местных племен представляли невероятную ценность. Он гарантировал, что, получив определенное число штыков под командованием троих британских офицеров, справится всего за год.

Однако страна была истощена войной с бурами, и хотя правительство признало убедительность его аргументов и понимало необходимость вооруженного вмешательства, ввязываться в новые предприятия там не спешили. Мелкие африканские экспедиции часто оказывались серьезнее, чем ожидалось на первый взгляд. После горьких уроков недавнего прошлого требовалось исключить всякий риск. Если отправить небольшой отряд и тот потерпит поражение, это ударит по престижу Англии во всей Африке. Арабы мгновенно разнесут весть до самой Индии, и тогда, чтобы гарантировать успех, потребуются собирать крупные силы – а на это не было ни денег, ни людей.

Дело затягивалось под всевозможными предлогами. Алеку казалось, что ему намеренно вставляют палки в колеса, тогда как на самом деле его мелкие предприятия обернулись бы непреодолимыми помехами в отношениях с европейскими державами. В конце концов ему решительно отказали.

Однако Алек Маккензи не привык сдаваться, а препятствия лишь придавали ему решимости добиться цели. Людям не оценить положение дел в той далекой стране понаслышке – он же собственными глазами видел этот неопиcуемый ужас. Он знал о беспощадной жестокости работорговцев; в его ушах до сих пор стояли предсмертные крики жителей подожженной арабами деревни. Не раз и не два покидал он какой-нибудь крошечный крааль, трогательно уютящийся среди маисовых полей, – причудливый, варварский прототип селений, воспетых в чопорных и мелодичных строках Голдсмита. Радостно возились голые дети; женщины, собравшись группками, мололи зерно и болтали; мужчины трудились в поле или празднично сидели на порогах хижин. Очаровательная сцена. Казалось, что именно здесь и разрешилась величайшая загадка человечества: на всяком лице было написано счастье, а обыкновенная радость жизни считалась достаточной причиной к существованию. Вернувшись, он обнаруживал на

месте деревни еще дымящиеся руины, среди которых валялись убитые и раненые. Там круглолицый мальчишка с длинным копьем в груди; тут – женщина, лицо которой снесло выстрелом из допотопного ружья; чуть в стороне мужчина корчится в предсмертных муках, истекая кровью. Остальных же жителей беспорядочным стадом гонят в смертоносный путь через всю страну, их избивают и почти не кормят, пока не доставят работорговцу.

Алек Маккензи снова отправился в министерство иностранных дел. Он предложил организовать экспедицию за свой счет и просил лишь официального разрешения самостоятельно набрать отряд. Нерешительные министры и не догадывались, сколько трудностей может принести им этот решительный человек, однако если он отправится в поход как официальное лицо, не связанное при этом соответствующими обязанностями, итог может выйти совсем плачевный. Необходимо учитывать сферы влияния континентальных держав, а сейчас, в момент обострения национальных противоречий, следует действовать с особой осторожностью. Алеку объявили, что он может отправиться в Африку лишь в качестве частного лица. Он не получит никакой помощи, и британское правительство не будет участвовать в его предприятии даже косвенным образом. Алек ждал такого ответа и вовсе не был разочарован. Раз правительство само не хочет взяться за дело, он сделает его сам, не связывая себя ограничениями. И вот этот замкнутый человек решил в одиночку сокрушить работорговлю на территории, превышающей размером всю Англию, и объявить войну дюжине туземных вождей с двадцатью тысячами воинов. Замысел выглядел далеким от реальности, но Алек оценил риск и посчитал его приемлемым. На его стороне было отличное знание страны, природная власть повелевать дикарями и кое-какой опыт командования ими. Он уже привык при необходимости действовать как дипломат и хорошо разбирался в местной политике.

Алек полагал, что без труда соберет отряд на побережье, где всегда полно крепких и рискованных ребят, которые – при условии, что им хорошо заплатят – возьмутся командовать туземцами. Требовались наличные деньги. Алек пересек Атлантику, продал ферму в Техасе, а также договорился о дополнительной сумме, которую при необходимости можно будет получить в счет доходов от его ланкаширской шахты. Он взял с собой хирурга, на которого готов был положиться в минуту опасности, поскольку знал много лет, и отплыл в Занзибар, где рассчитывал укомплектовать отряд нужным числом белых. В Момбасе он собрал носильщиков, которые сопровождали его в прошлых экспедициях, причем благодаря своей широкой известности среди туземцев отобрал из них самых лучших. Всего набралось больше трех сотен человек.

Поначалу все шло хорошо. Алек искусно сеял распри среди врагов. Жалкие царьки завидовали друг другу и, если торговля рабами шла плохо, с радостью набрасывались друг на друга. Алек планировал объединить усилия двух-трех мелких вождей и сокрушить самое могущественное государство, а затем расправиться с бывшими союзниками поодиночке – если те не поклянутся больше не нападать на мирные племена. Имея колоссальное влияние на туземцев, он не сомневался, что сумеет поднять их на борьбу со смертельным врагом – арабами. Главное – заразить их уверенностью. Все вышло в точности как он рассчитывал.

Пало самое крупное государство, претендовавшее на полновесную власть в этом районе Африки, и Алек стал привычным образом обустраивать жизнь на каждом клочке освобожденной от рабства земли. Он приструнил воинственных эмиров и преподал такой жестокий урок предавшему его вождю, что остальные совершенно перепугались. В страну возвращались мир и порядок. Алек рассчитывал, что через пять лет по ней можно будет беспрепятственно путешествовать из конца в конец – как в Англии. Однако внезапно все его достижения пошли прахом. Как часто случается в нецивилизованных странах, у арабов появился новый вождь. Никто не знал, откуда тот взялся, – поговаривали, что он был погонщиком верблюдов. Из-за плохо сросшейся после перелома ноги его прозвали Мохаммед Хромой. Это был человек проницательный, дальновидный, жестокий и амбициозный. С группкой столь же отчаянных товарищей

он атаковал столицу самого северного государства, правитель которого как раз умер, захватил ее и провозгласил себя королем.

За год Мохаммед подчинил беспокойные земли у границы с Абиссинией и, одержимый страстью к завоеваниям и фанатичной ненавистью к христианам, двинулся с огромным войском на юг. Испуг охватил туземные племена, чьей надеждой на спасение был лишь Маккензи. Алек объяснял угодившим в сферу его влияния арабам, что для них (как и для него) единственный шанс на спасение – выступить против Хромого, однако воинственный клич Пророка оказался сильнее голоса разума, и все, как один, обернулись против англичанина. Лишь местные племена хранили ему отчаянную верность – их-то Алек и повел в бой. Исход яростной битвы остался неясен: обе стороны понесли большие потери, сам Алек был серьезно ранен.

К счастью, близился сезон дождей, и Мохаммед Хромой, проникшись определенным уважением к белому, который хотя бы на время сумел остановить его натиск, отошел на север, где его власть была прочной. Алек понимал, что тот вернется при первой возможности, и видел, что у него не хватит сил противостоять столь хитроумному врагу. Оставалось возвращаться на побережье, а оттуда в Англию, в надежде все же убедить правительство снарядить войско. В случае отказа он вернется сам – с пулеметами «максим» и обученными людьми. Алек понимал, что его отъезд напоминает бегство, но поделаться с этим ничего не мог. Отправляться было необходимо. Раненный, он отправился в путь на носилках и, подгоняя отряд неукротимой силой духа, форсированным маршем вышел к побережью.

Срок его недолгого пребывания в Англии подходил к концу – меньше чем через месяц Алеку предстояло очередное путешествие в Африку. Он собирался завершить начатое. Если ему удастся избежать смерти, то наступит конец жестокому ремеслу, обратившему райские земли в пустыню.

Возле собора Алек замолчал, и они на секунду замерли, разглядывая огромное здание. Аккуратные газоны добавляли постройке безмятежного величия. Они вошли внутрь, где царил торжественное спокойствие. Внутренний простор производил сильное впечатление: он ободрял, наполнял душу презрением ко всему суетному и низкому. Безыскусная простота парящих готических колонн придавала мыслям благородную направленность. И пусть здесь уже триста лет справлялся более сдержанный ритуал, в соборе сохранилась атмосфера древней, роскошной веры. Среди колонн витал легкий аромат фимиама – грустный и одновременно сладкий; призрачные фигуры служителей в расшитых золотом ризах длинной процессией шествовали через пустые приделы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.